

— Отлично! — Хозяин лавки завернул в масляную бумагу пять пирожков с тонким тестом и щедрой начинкой, передавая их Му Цинмянь. — Вот ваши пирожки, госпожа!

Му Цинмянь кивнула, протянула медные монеты, и тут же отдала пирожки Янь Лян.

Янь Лян: «...?»

Она не была голодна. Хотя и не совсем понимала, зачем, но раз Му Цинмянь даёт — она послушно приняла свёрток.

Однако, едва её пальцы коснулись бумаги, позади вновь раздался тот самый душераздирающий крик — точь-в-точь как в тот день, когда она впервые пришла в Городок Абрикосового Цвета и попала в переполах у лавки с вонтонами.

Взгляд Янь Лян мгновенно стал острым. О пирожках не могло быть и речи — она тут же рванула Му Цинмянь за собой, прикрыв её собой, и отпрыгнула в сторону.

В тот же миг мимо, едва не задев её одежду, пронеслась лошадь.

На сей раз конь не был взбешённым — на нём сидел всадник.

За мимолётное мгновение, которого хватило её зорким глазам, Янь Лян успела разглядеть лицо этого повесы. Ухоженный, с казённой белизной на лице, юноша с высокомерной усмешкой оглядывал тех, кого задела его лошадь, с нескрываемым удовольствием. Одежда — дорогая, яркая. Из хорошей семьи.

Ну, иными словами — образцовый молодой господин, праздный и жестокий.

У лавки с пирожками народу было меньше, чем у вонтонной, да и юнец хоть как-то управлял конём, поэтому столпотворение вышло не таким жутким. Всё же лавка понесла убытки, а несколько прохожих, не успевших увернуться, получили ушибы.

— Доченька! — вдруг раздался исступлённый вопль женщины.

Молодая мать, которую всадник разлучил с ребёнком, в ужасе металась, думая, что с малышкой случилось непоправимое.

К счастью, девочка отделалась лишь испугом да ссадинами. Женщина, рыдая, прижала её к груди, и из её уст, ещё не остывших от страха, полилась ядовитая брань:

— Чжэн Цзыин! Бессердечная тварь! Вечно скачешь, не глядя по сторонам, людей калечишь! Чтоб ты сдох!

— Тсс! — кто-то тут же шикнул, понизив голос. — Замолчи! Ты о господине Чжэне говоришь? Жизни не жалко?!

Женщина была вне себя от пережитого ужаса:

— Какой он господин! Просто—

Не дали договорить. Кто-то поспешно зажал ей рот, и после недолгой суеты мать, наконец, уговорили уйти, уводя за руку перепуганного ребёнка.

Янь Лян слегка приподняла бровь.

Чжэн Цзыин?

Как интересно. Это имя ей знакомо.

Ведь именно он был причиной того, что её сама когда-то травмировала взбесившаяся лошадь.

Янь Лян из тех, кто платит за обиду сторицей. В тот день, встретив Му Цинмянь, она отложила выяснение отношений, но едва окрепла — отправилась в городок, чтобы разузнать, что к чему.

Так она и выяснила: в Городке Абрикосового Цвета есть влиятельнейшее семейство землевладельцев — Чжэны. Глава семьи, которому сын родился на склоне лет, назвал его Чжэн Цзыин и избаловал до невозможности, взрастив в нём спесь и жестокость.

Недавно молодой господин увлёкся верховой ездой. Старый Чжэн, желая угодить отпрыску, раздобыл для него множество породистых скакунов. Вот только Чжэн Цзыин был полным невеждой в этом деле, да и нрав имел скверный — малейшее неповиновение коня встречал беспощадными ударами. И делал это запросто, среди бела дня, на людных улицах.

Животные, доведённые до отчаяния, часто срывались в бешеный галоп, калеча прохожих. Случай с Янь Лян был не первым и, увы, не последним.

Глядя, как Чжэн Цзыин исчезает в облаке пыли, Янь Лян тронула уголок губ.

Похоже, молодой господин преуспел — теперь он не просто гоняет лошадей по городу, а умудряется ускакать далеко за его пределы.

Что ж... самое время преподнести ему «подарок».

Два часа спустя в дом Чжэнов пришла весть: Чжэн Цзыин скоропостижно скончался.

Если бы он ранил лишь её саму, Янь Лян, быть может, и сдержалась бы. Но на сей раз под удар попала Му Цинмянь — и это было уже слишком.

Поэтому, когда лошадь пронеслась мимо, ловкое движение пальцев Янь Лян отправило в лицо всадника лёгкое облачко желтоватой пыли.

Пыль была мельчайшей, почти невесомой — со стороны можно было принять её за дорожную. Но даже крупинки этого вещества хватало, чтобы вскорости помутился рассудок.

Медицина и яды — две стороны одной медали. В прошлой жизни, наученная Му Цинмянь, Янь Лян постигла и то, и другое. И если говорить об искусстве отравлений... она смело назвала бы себя первой, не оставляя места для второй.

Чжэн Цзыин, привыкший ломать волю коней грубой силой, и на этот раз довёл животное до предела. А когда порошок подействовал, помутнённый разум юноши не смог справиться с взбешённым скакуном. Результат был предсказуем: его сбросило.

Будь он покрепче телом — отделался бы переломами. Но Чжэн Цзыин, изнурённый годами кутежей и разврата, был пустой оболочкой. Одного удара о землю хватило, чтобы оборвать его жизнь.

Словом — каждому своё.

Как отреагировало семейство Чжэн, история умалчивает. Зато простые жители Городка

Абрикосового Цвета ликовали — мало кто за долгие годы не испытал на себе жестокость Чжэн Цзыина! Теперь, когда негодяя настигла кара, казалось, будто и само небо возликовало. Радость была всеобщей.

Янь Лян, уже вернувшаяся с Му Цинмянь в свою хижину, не стала вникать в подробности.

Она и так всё предвидела.

Му Цинмянь провела в хижине ещё два дня, собирая травы по окрестностям, и решила, что задержалась в Городке Абрикосового Цвета достаточно. Пора двигаться дальше.

Собрав свои нехитрые пожитки, она взглянула на Янь Лян, хлопотавшую у очага. В сердце шевельнулось странное чувство — не то смущение, не то грусть.

Она видела, как девочка к ней привязалась. За эти дни Му Цинмянь успела к ней привыкнуть, а уж помощи от Янь Лян было не счесть — та даже жизнь ей спасла. Не прикрой её тогда Янь Лян, Му Цинмянь вряд ли увернулась бы от копыт.

Но они были всего лишь случайными попутчицами. У Му Цинмянь — свои цели, у девочки, как она чувствовала, — свои. Рано или поздно пути разойдутся.

Подумав, Му Цинмянь решила написать для Янь Лян несколько рецептов — чтобы та могла лечиться и после их расставания. Хронический недуг девочки был тяжёлым, на полное исцеление ушло бы лет пять. Но с этими рецептами, составленными с учётом возможных изменений в её состоянии, здоровье можно было восстановить на восемь-девять десятых.

Когда Му Цинмянь закончила писать, Янь Лян как раз подала на стол скромный ужин. За едой Му Цинмянь протянула ей листки с иероглифами, подробно объяснив, как и когда применять каждое снадобье. Девочка слушала, покорно кивая. Затем Му Цинмянь сказала, что уходит завтра на рассвете. Янь Лян снова кивнула — тихо, без возражений.

Му Цинмянь даже удивилась.

Она ожидала слёз. Или хотя бы грусти в глазах.

Но девочка оставалась спокойной.

Что ж... может, это и к лучшему. Если бы Янь Лян заплакала, Му Цинмянь не знала бы, как её утешить.

Она тихо вздохнула с облегчением.

<http://bllate.org/book/16273/1464996>